

Известный график и архитектор Джованни Пиранези прославился своими эксцентричными и яркими проектами, потомкам талантливый итальянец оставил 28 томов офортов. Но при жизни он возвел лишь единственный храм, в котором, собственно, и упокоился. Здания, которым суждено существовать лишь на чертежах, иронично называют бумажной архитектурой. Но зодчему Виктору Крамаренко, по его признанию, повезло: большинство его проектов не пылится на полках годами. Трудно найти автора, из мастерской которого вышло столько знаковых для белорусской столицы зданий. Это и Национальная библиотека, и железнодорожный вокзал, и другие. Своими творческими планами и взглядом на современный архитектурный процесс Виктор Крамаренко поделился в эксклюзивном интервью “НГ”.

Виктор
КРАМАРЕНКО:

“Архитектура не терпит однообразия!”

Известный белорусский зодчий рассказывает о том, какой изначально задумывалась Национальная библиотека и чем чревато увлечение стилем хай-тек

Владимир
СТЕПАНОВ, “НГ”

— Виктор Владимирович, над чем вы сейчас работаете?

— Один из главных проектов — здание музея Великой Отечественной войны, который появится на проспекте Победителей в Минске в 2013 году. Сейчас уже активно строятся первые этажи. Когда мы проектировали музей, то решали сложную задачу: отразить одновременно идею триумфа победы и трагедии, которую пережил наш народ. Главный фасад выполнен в мажорных тонах, он — как лучи салюта, а противоположная сторона здания напоминает о тяжести борьбы. Много споров вызвал стеклянный купол, напоминающий купол Рейхстага, на котором взвился советский флаг в 1945 году, — но ветераны поддержали нас.

— У вас всегда много идей. Как они к вам приходят?

— “Чтобы зажечь искру, надо впитать море света”. Аккумулируешь информацию всю жизнь, а замысел может родиться за считанные часы. Так было, например, у нас с Михаилом Виноградовым с проектом Национальной библиотеки. Размышляю постоянно, даже дома, сидя у телевизора, беру бумагу и карандаш и фиксирую все идеи, которые приходят в голову... Но, чтобы довести замысел до стадии строительных чертежей, уходят годы — здесь нужен труд сотен людей. Когда мы вместе с соавтором проектировали здание вокзала, то объездили всю Европу, изучали опыт коллег, чтобы не повторить их ошибок, сделать здание максимально функциональным и

СПРАВКА “НГ”

Виктор КРАМАРЕНКО

Архитектор, дважды лауреат Государственной премии Республики Беларусь (2005 и 2009 годы), профессор Международной академии архитектуры. После окончания архитектурного факультета Белорусского политехнического института работал в Белгоспроекте и Минскпроекте, с 1990 года и по настоящее время возглавляет творческую мастерскую. Среди наиболее известных работ, выполненных вместе с коллегами, — Национальная библиотека, железнодорожный вокзал в Минске, кинотеатр “Москва”, обелиск “Минск — город-герой”, проект телебашни. В 2002 году признан белорусскими СМИ Человеком года.

просто красивым. Кстати, во время международного конкурса нам приходилось соперничать с такими профи, как Мосгипротранс. Его специалисты возвели десятки вокзалов на территории бывшего СССР. Нам помогло то, что мы были более раскованны в мышлении, избежали узкопрофессиональных шор.

— Будь у вас возможность, вы что-нибудь изменили бы в Национальной библиотеке?

— Мы часто обсуждаем эти вопросы с Михаилом Виноградовым. Изначально задумывали облицевать ее не обычным, а зеркальным стеклом. Она имела бы иной облик — более яркий. Ведь идея была в том,

что библиотека — сверкающий алмаз, символ того, что в ней хранятся величайшие ценности человечества — интеллектуальные. У минского вокзала сегодня очень трудно найти место для парковки, но, по нашему замыслу, стоянки должны были появиться на подземном уровне. Думаю, он будет развиваться и дальше. Уже в 1990-е годы мы понимали, что здесь будет сосредоточено колоссальное количество людей, которым лучше не томиться часами в креслах, а походить по торговым центрам, развлечься. Кстати, нормы тогда разрешали не более 19 киосков на вокзале, но время показало, что мы выбрали верный путь.

— Архитектура — это слепок эпохи. Как бы вы охарактеризовали архитектурный язык современной Беларуси? Можно ли говорить о белорусском стиле в зодчестве?

— Добавлю: в архитектуре, как в зеркале, отражается еще и экономика, политика... Сейчас мы с высоты времени можем оценить то, что было сделано, например, в Минске. Его восстановление после войны я считаю архитектурным подвигом. В проспекте Независимости с его гармоничными пропорциями, великолепной отделкой зданий, прекрасным отношением к ландшафту, особенно в пойме Свислочи, читается дух Беларуси тех времен. А затем был “хрущевский” период крупнопанельного домостроения, который, к сожалению, нанес ущерб архитектуре. Поначалу панельные дома, очень функциональные, вносили разнообразие, но как только их стали строить в неисчислимых количествах от

— У вас в кабинете стоит макет телебашни. Расскажите о судьбе этого проекта.

— Еще в 1995 году родился замысел телебашни “Папараць-кветка”. Помните легенду о волшебном цветке? Такой магический “цветок” высотой 425 метров (на тот момент башня была 4-й в мире по высоте) должен был принести счастье белорусам... Около года вместе с немецкими инженерами мы трудились над этим проектом. В конкурсе приняли участие архитекторы из Великобритании, России, Китая, Италии, но жюри отдало первое место нам. Однако, по всей видимости, этому проекту никогда не суждено украсить столицу. Расчеты показали, что выгодней развивать спутниковое телевидение.

— Вам не кажется, что белорусские архитекторы весьма консервативны? На выставках работы их коллег из стран Балтии кажутся гораздо более смелыми...

— Прибалты еще в советские времена отличались оригинальными подходами, сегодня эта традиция продолжается. А вообще очень многое зависит от заказчика, с которым вы работаете. Не так давно мы проектировали гипермаркет. Так заказчик откровенно говорил: “Ребята, нам ваша архитектура не нужна, надо построить коробку, из которой мы будем качать деньги”. И все попытки сделать архитектурные изыски, понятно, провалились. Между тем зодчество — искусство дорогое, и все лозунги вроде “Мы — за дешевую архитектуру!”, как правило, плодят низкосортные проекты.

Гродно до Владивостока, они стали угнетающими, превратились в штамп. А архитектура не терпит однообразия. Помню, как мы любой из проектов носили на согласование строителям — сидел человек с печатями “согласовано” и “несогласовано” и одним движением решал вашу судьбу... Сейчас такого нет.

(Окончание на 9-й стр.)

Архитектура не терпит однообразия!

(Окончание.
Начало на 7-й стр.)

— Но в Беларусь сегодня активно приходят инвестиции, а с ними и “стекляшки” бизнес-центров. Нет ли здесь опасности, что с капиталом придет и дурновкусие, что архитектура обеднеет?

— Полностью согласен. Поэтому процессом надо руководить, направлять его. И у нас в этом отношении много делают органы власти. Но опасность существует. То, что дорого для архитектора, — эстетика, вид города — это порой несущественно для инвестора, который считает лишь квадратные метры. Поэтому архитектурные задачи надо решать только путем открытых конкурсов — республиканских, международных. Пусть из десятков проектов побеждают самые интересные.

— Трудно ли сегодня быть архитектором?

— Сейчас мы переживаем период, когда профессия архитектора востребована, он уже не является винтиком системы. Его фантазии никто не ограничивает. Стиль эпохи — индустриальный, или хай-тек. Его суть сводится к новым технологиям, которые мы можем применять. Благодаря им наши возможности возросли. Можно перекрывать сколь угодно большие пространства, делать здание легким — как визуально, так и физически, возводить постройки из металла, стекла, железобетона. Таких возможностей у архитекторов еще 15 лет назад не было. Когда мы проектировали вокзал, то типы материалов можно было пересчитать по пальцам одной руки, я не утрирую. И вокзал стал переломным проектом, при осуществлении

которого мы активно внедряли много инновационных технологий. Надо сказать, что от смелости архитектора зависит развитие инженерной, конструкторской мысли. Архитектор всегда немного опережает время. Посмотрите на самый высокий небоскреб в мире, располо-

женный в Дубае. Чтобы построить 818-метровую башню, пришлось решить массу задач.

— Выходит, зря мы часто критикуем постмодерн, ведь именно он позволил нам свободно оперировать языком разных эпох?

— А к какому стилю относите себя вы?

— Архитектура — это развитие своих мыслей, а не существование в рамках какого-то одного направления. Кроме создания комплексов в стиле хай-тек, я, к примеру, работаю и над проектом деревни гипермаркетов под Минском. “Гипердорф” начнут строить уже в этом году. Швейцарский заказчик пожелал, чтобы она выглядела как небольшой старинный западноевропейский городок. Представьте: узкие пешеходные улицы, домики, в которых разместятся магазины и бутики, городская площадь — все это создаст особую атмосферу. Если плодить один хай-тек, то от него рано или поздно все отвернутся. В Верхнем городе в Минске скоро появится детская филармония, выполненная в стиле барокко. Скептик скажет: муляж! Но даже в стиле ретро нельзя игнорировать новые достижения — материалы, конструкции. Зато здание создает среду, настроение, уравновешивая застройку города.

— Да. В нашем проекте — торговом центре “Футурис”, который разместится недалеко от станции метро “Борисовский тракт”, мы уходим от индустриального стиля и развиваем идею активного внедрения ландшафта в архитектуру. На кровле высотки будет зеленый сад, где можно будет “раствориться” в естественной среде, которая компенсирует оторванность от земли. Запланирован ресторан под небольшим водопадом, а торговый центр “растворен” в зелени. Есть похожий проект — реконструкция квартала за ЦУМом, там, где разместился приборостроительный завод. Проблема выноса промышленных предприятий за пределы города стоит остро, и мы полагаем, что в этом месте удачно впишется “зеленая”, экологически чистая архитектура.